Литературные известия

№ 5 (169)
Май 2019

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании "Вест-Консалтинг" и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня в номере:

*

Новости фестивалей

*

Реклама

*

Книжная полка

*

Поэзия и проза Союза писателей XXI века

*

Новинки издательства «Вест-Консалтинг»

РЕКЛАМА

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

LITLAVKA

(WWW.LITLAVKA.RU)

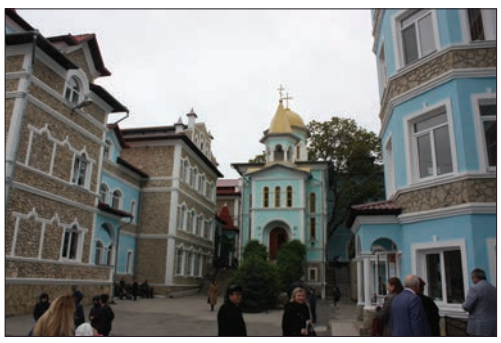
КНИГИ И ЖУРНАЛЫ ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЬСТВА!

Доставка по Москве от 1 дня.

Тел. (495) 971-79-25

НОВОСТИ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВЕСНА ПОЭТОВ-2019



7–9 мая в Кишинёве прошел фестиваль поэзии «Европейская весна поэтов», который организовал Союз писателей Молдовы.

В Фестивале приняли участие поэты из Молдовы, Румынии, Франции, Израиля, Бельгии и многих других стран.

Евгений Степанов (Россия) представил составленную им антологию «Стихи земного шара. Румынская поэзия», которая была тепло встречена кишинёвской аудиторией.

Состоялись выступления поэтов в вузах и школах.

Лауреатом фестиваля стал румынский поэт Даниель Корбу.

Фёдор МАЛЬЦЕВ, фото автора

ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ В ЯССАХ

12–19 мая в Яссах прошел международный фестиваль поэзии, на котором собрались поэты из Румынии, Молдовы, Дании, Франции, Бельгии, Германии, Греции, Туниса, Албании, Азербайджана, Венгрии, Турции, России, Польши, Канады, Китая, Мексики, Кубы, Австрии, Тайваня, Италии, Испании...

Поэты выступили с чтением стихов в лицеях, университете, на открытых городских площадках.

О том, как проходил фестиваль — мы спросили его постоянного участника Евгения Степанова.

— Я очень люблю фестиваль в Яссах, где много лет подряд встречаюсь со своими давними друзьями из разных стран, — ответил Е. Степанов. — Я рад, что составленная мной антология румынской поэзии на русском языке понравилась румынской читающей публике. Рад, что налаживаются творческие мосты. Это замечательный стимул в работе.

Фёдор МАЛЬЦЕВ, фото автора

АНОНС

СОЛНЫШКО МОЕ

18 июня, в 19.00 в Театре Луны состоится показ спектакля «Солнышкко мое» (по произведениям Александра Файна, постоянного автора нашей газеты и издательства «Вест-Консалтинг») специально для сотрудников и ветеранов МИД РФ.

Сергей КИУЛИН

УТРАТА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛЕОНИДА КОЛГАНОВА

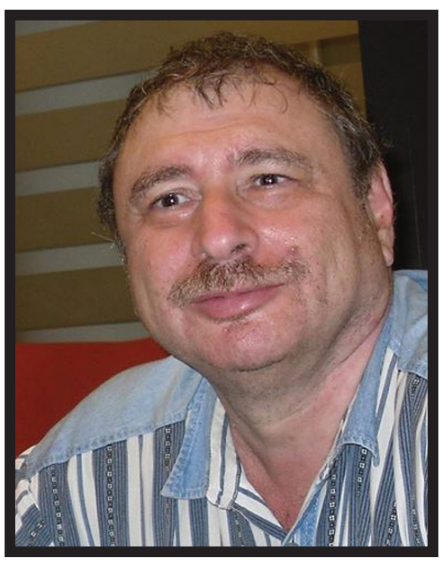
Ушел из жизни мой близкий товарищ поэт Леонид Колганов — светлый, добрый, талантливый человек.

Мы дружили еще с восьмидесятых годов прошлого века, когда ходили в одно литературное московское объединение.

Когда Лёня репатриировался в Израиль, дружба сохранилась. Мы переписывались, перезванивались, я всегда печатал Леонида в своих изданиях. Никогда не забуду, как он помогал мне морально в горькие дни моей жизни — когда скончалась моя мама.

...Поэт ушел. Стихи остались. Осталась светлая и добрая память. Прощай, Лёнечка! Прощай, друг!

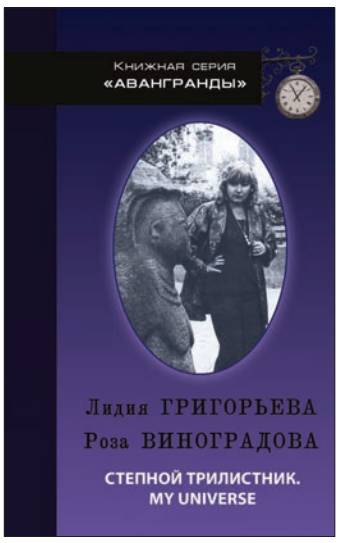
Евгений СТЕПАНОВ



КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лидия Григорьева. Роза Виноградова. «Степной трилистник. My Universe»

М.: «Издательство Евгения Степанова», 2019



Любите ли вы загадки? Иносказательное, поэтическое описание главных черт предмета требует умственного труда. Порой предлагаемые для отгадки предмет или явление становятся настолько не похожи сами на себя, что испытание сообразительности длится несколько дней.

И вот — Роза Виноградова. Кто эта девушка? Лидия Григорьева выступает ее проводницей в мир литературы. Эта двадцатилетняя студентка — не выдумка, не фантом, они связаны, как антенна и передатчик. Иногда кажется, что между ними — поколенческая пропасть: вряд ли бы поэтесса былой закалки позволила бы себе вводить в стихи слова «laptop» («компьютер на коленях»), а вот Виноградова — запросто. Смеется над теми, кто носит в сумке учебники (есть же ридер!), засыпает в обнимку с портативным компьютером, воспевает «Космический,/ Вселенский Интернет»... Самостоятельна в суждениях, не рвется к славе, но жаждет донести до читателя неповторимость своего «я». Недаром вторая часть заголовка сборника переводится с английского как «моя Вселенная», то есть совокупность всех существующих в природе миров. В то же время в «Степном трилистнике», первом и главном разделе книги, за конкретностью изображаемого таится скрытое бытие вещей. Тайна, которую можно раскрыть, только внимательно прочитав книгу от корки до корки.

Не стоит рассуждать о том, нарушаются ли правила классического стихосложения. Давайте сосредоточимся не на каноническом числе слогов, а на содержании стихотворений. Хокку — это импровизация на тему текущего момента, без украшения наукообразными словами и стихотворной формой:

Кусты шуршат, как смятая бумага.
И тени бьют наотмашь
По щекам.

Чтобы раскрыть смысл стихотворения требуется намного больше места, чем оно занимает. Особенность этих трехстиший в том, что нет-нет да и прорвется отголосок русской рифмовки, кажется, что стихи обрываются на лету («И перепел на суржике ворчит...», «Глухая ночь. И никого в округе...»), но средства художественной выразительности тщательно подобраны в соответствии с законами жанра. Типичное хокку запрещает использование литературных приемов, поскольку само по себе метафорично:

Пасти коровок божьих, но уехать
Туда, где проститутки
И бомжи?

Время — это проявление бытия с точки зрения прошлого, настоящего и будущего и вытекающих из них отношений «раньше», «позже», «одновременно». Юность Розы Виноградовой никогда не кончается. Предельная ясность и простота подачи материала ставят читателя на «внутреннюю паузу», внезапно пробуждая чувство неторопливого проживания каждой минуты:

Цветет картошка.
Бабушкин передник
Трепещет на ветру.

Перед глазами читателя проходят маленькие жизни. Вот бабушка в переднике, грохочущий товарняк... пристально смотрит на это Лидия... или нет, Роза? Степь, простор, воля... Сильные чувства рвутся в пространство, но молодая женщина не дает им выхода, а точно отмеряет долю недосказанности, превращающую три строки в законченное поэтическое произведение:

Ты грядки мне вскопал.
Неужто не шутил,
А женихался?

А это наши рабоче-крестьянские будни: удивление, внезапная догадка, заставляющая героиню призадуматься: что ж теперь с этим товарищем делать? Серьезные намерения у человека, от них не отмахнешься: он вложил в даму сердца много времени и сил. Поэзия малых форм хороша тем, что при минимуме слов она содержит максимум смысла. Небольшой фрагмент, выхваченный из жизни, при рассмотрении «под лупой» перерастает в эпопею: отказать или принять ухаживания, если отказать, то кто ж потом будет помогать по хозяйству?.. Автор (или авторы — уж больно «не стыкуются» любовь к грядкам и двадцатилетняя студентка!) включила в книжечку и озорные двустишия, «саморазоблачения», которые может сочинить только женщина, способная посмеяться над собой. Обратите внимание на разговорную форму написания слова «вообще». Молодежный жаргонизм, смело поставленный в начало строки, дает понять, что Роза — колючий цветок:

Ваще я не такая, как в стихах!
В короткой юбке и на каблуках.

Сколько же авторов у сборника — один или два? То обстоятельство, что лица Розы на обложке мы не видим, подталкивает нас думать, что она... впрочем, пусть тайна остается тайной. Иначе это будет не тайна, а сведения. Лидия Григорьева — Роза Виноградова в едином движении поэтической мысли побуждают читателя к сотворчеству, к развертыванию цепочки образов. И тут уж неважно, кто первый начал — кто на обложке или та загадочная (суб)личность, пожелавшая остаться за кадром. Эта книга краткостиший, основанная на традициях восточной поэзии и талантливо представленная читателю, подарит немало приятных минут утонченному художественному мышлению.

Надежда ДРОЗД

Владимир Делба «Stardust. Звездная пыль моих воспоминаний»

М.: 2019

Жизнь человеческая вмещает в себя столь много мыслей, образов, эмоциональных состояний, что порой словами выразить их затруднительно, словам помогает музыка, воздействуя не только и не столько на разум, сколько на душевное состояние, способствуя пониманию через сопереживание. Текст рассказа «Прелюдия», открывающего книгу В. Делба, практически насквозь пронизывает музыка, слова выстраивают композицию, созвучную дорогим автору мелодиям. Само название книги напоминает о джазовом стандарте Stardust, созданном в начале XX в. на основе мелодии из пьесы американского композитора Хоуги Кармайкла. Герой рассказа, любуясь южной приморской ночью, так хочет услышать созвучную его состоянию музыку. «И музыка не заставляет себя ждать...», «...загадочная живая темнота наполняется звуками музыки». «Сначала аккорды звучат негромко, несмело, падая с высоты, как первые капли неожиданно начавшегося, но долгожданного дождя. Часть звуков, как и вода, растворяются в ночном душном воздухе, не достигнув иссушенных дневной жарой асфальта и листвы деревьев. Но и они, не воспринимаемые пока как цельная музыкальная композиция, будят неясные чувства, заставляя замирать в ожидании какого-то космического наслаждения.

Звуки становятся громче и громче, теперь, продолжая сравнение с водой, они льются откуда-то сверху уже не каплями, а скорее бесчисленными ручейками. Ручейки соединяются между собой и скоро превращаются в поток отточенных лиричных музыкальных фраз».

Воспоминание о музыке Stardust сопровождает и героя следующей повести «Una giornata di... или Один, очень насыщенный день из жизни абитуриента» в книге Владимира Делба. Повесть воспринимается как продолжение рассказа благодаря объединяющей их музыке, да и стилистика текста сохраняется, поддерживая эту мелодию. Вот в рассказе мальчик-подросток услышал ее в ночной тиши приморского курортного городка, а вот в повести юношу-абитуриента уже в столичной жизни эта мелодия настигает в чудесные моменты участия в событиях международного кинофестиваля. Эта мелодия созвучна состоянию восторга, восхищения, радости и ликования героя. Все события и чувства описаны так тонко и глубоко, что не остается сомнений в том, что автор сам прошел через подобные переживания и постижения чуткого восприятия музыкальных образов.

Драматизм двух последующих повестей книги уводит читателя от первоначально заданной мелодии, поскольку трагические сюжеты становятся созвучны разрывающим душу аккордам. Этот контраст позволяет острее почувствовать состояние героев, искренне и глубоко им сопереживать.

Прочтение книги наводит на размышления о воздействии на жизнь человеческую до конца так и не постигнутых человеческим разумом стихий: музыки, любви и слова. Какая из этих нематериальных стихий более влиятельная? По А. С. Пушкину — любовь... («одной любви музыка уступает»), но, возможно, бывают моменты, когда музыка и любовь равносильны в своем воздействии на чувства, на сердце и душу человеческие. Слово же, более зримо создавая образы, воздействует прежде всего на разум. Но слово литературное совсем не лишено музыкальности. Вослед Пушкину («но и любовь — мелодия») можно продолжить мысль, что и слова — мелодия. И слово, и любовь, и музыку объединяет их способность приводить человека к состоянию сопереживания, к такому состоянию, которое делает человека человеком.

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА В ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ГАЗЕТЕ
«ПОЭТОГРАД»

тел.: • 8 (910) 453 64 43 • почта • POETOGRAD@MAIL.RU • сайт • http://www.poetograd.ru/

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Игорь Волгин
«Толковый словарь»
М.: «Время», 2019

«Толковый словарь» Игоря Волгина… Это что?

…Новый толковый словарь «живого великорусского языка», по типу словарей Даля, Брокгауза и Ефрона, Ушакова, Ожегова и разных специфических словарей – фразеологии, пословиц и поговорок, диалектов, жаргонов, синонимов и антонимов, орфоэпии и т.д.? Нет. Это книга избранных стихов «самого молодого шестидесятника», известного и признанного поэта, писателя, ученого, историка, достоевиста, президента Фонда Достоевского, академика РАЕН, ведущего популярной программы «Игра в бисер» на телеканале «Культура»…

В «Толковый словарь» Игоря Волгина вошли «Поздние стихи» автора, и более ранние, «…разных лет», и «Из ранних тетрадей». Там, вся, как на ладони, видна жизнь автора, неразрывная с жизнью страны, и жизнь страны, неразрывная с его жизнью. Причем книга выстроена так, что время в ней идет не от прошедшего к настоящему, а от настоящего к прошедшему, в обратном порядке, как слова в обратном словаре, и движется от зрелой поры поэта к его юности и детству, которое совпало с войной, и к его младенчеству, и от эпохи России первого двадцатилетия XXI века в XX век и дальше, в XIX век, и в глубь истории России и древнего мира, в античность, но вместе с тем оно движется и туда, и сюда, и назад, и вперед, и в прошедшем содержится настоящее время, а в настоящем прошедшее, с проекцией в будущее.

В «Толковом словаре» Игоря Волгина «весь, как на ладони», виден и сам автор, толкующий «о времени и о себе», о жизни, о любви и много-много о чем еще, и истолковывающий все по-своему – с помощью русского языка, «лучше которого… нет», с помощью разных художественных средств поэзии – и отвечающий на главные вопросы бытия: например, есть ли на свете счастье? Пушкин говорил: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». А Волгин говорит:

Прекрасна жизнь! – Не говори –
Она воистину прекрасна!

И есть ли счастье в жизни сей,
Не задавай себе вопросов.

Иной раз читаешь стихи какого-нибудь поэта, своего современника, и не находишь у него там ни одной приметы нашего времени и не понимаешь, в каком веке он живет. И так и хочешь спросить у этого автора словами Пастернака: «Какое, милые, у нас, тысячелетье на дворе?»

Мой литинститутский учитель поэт Евгений Долматовский, руководитель семинара поэзии, говорил нам, своим «семинаристам», что в наших стихах должно чувствоваться, отражаться время, в которое мы живем. На них должна стоять печать нашего времени. Чтобы читатель видел, что это стихи поэта XX-го века, а не XIX-го и не XVIII-го.

Маяковский говорил: я пишу «о времени и о себе». А вообще-то все поэты для того и приходят в этот мир, чтобы написать о себе и о своем времени, в которое они живут, в которое им выпало родиться и о котором их предшественники, ни Пушкин, ни Лермонтов, ни другие классики никогда не напишут. И чем крупнее поэт, тем лучше он выполняет эту свою миссию, возложенную на него Богом. И Игорь Волгин – яркий наглядный пример такого поэта. На его стихах, в которых он пишет о себе, стоит печать его – нашего – советского и постсоветского – времени XX и XXI веков. И не только на стихах с названиями – «Девятнадцатый год», «Октябрь сорок первого года», «Зима 1946 года», «Зима 1953 года», «Футбольное поле (Евро 2012)»… Если даже убрать эти названия, эти датировки, все равно, когда читаешь стихи Игоря Волгина, чувствуешь и видишь, о каком времени в стихах идет речь, ты словно путешествуешь на «машине времени» и попадаешь из одного времени в другое: и в 1919 год, где «парни нецелованные гибнут», а «оркестранты в рваных сапогах» «играют яростные гимны»; и в 1941 год, где «патруль по Арбату идет», «и немец стоит у ворот», и «бредут от застав погорельцы»; и в 1946 год, где стоят за «пайком» «сумрачные очереди у продовольственных ларьков», а ребята лепят «бабу снежную»; и в 1953 год, где в коммунальной квартире «семь керогазов на кухне горят», а по радио преподаватель физкультуры Гордеев «будит Россию ни свет ни заря» и велит всем «бедра поставить на уровне плеч»; и в 2012, где «нам не помог пройти в четверть финал ни русский бог, ни случай, ни Аршавин»…

Игорь Волгин – мастер художественных деталей. Они у него играют роль художественных образов, метафор, тропов и являются артефактами, приметами времени: «телевизоры», которых еще «нет в помине»… «зиловский велосипед», на котором он катался и катал ребят… «магазинная старая кляча», лошадь, которая «восхищала окрестных детей «на Арбате, где нет лошадей»… Замоскворечье, где он рос («Я не был первым парнем на селе – в моем селе – в моем Замоскворечье»)… «газировка» которую он пил «из автоматов»… «Семейное» мыло, которым он мылся… «студенческая столовка», где он обедал… обращение студентов друг к другу – «старик» («салют, старик, я еду в институт!»)… «курсовая по истории» и дипломная работа, которую он пишет… «все (неразрешимые) вопросы мироздания», на которые он ищет ответа и на которые не может ответить даже профессор, который «в галошах новеньких, со скрипом» ходит по двору…

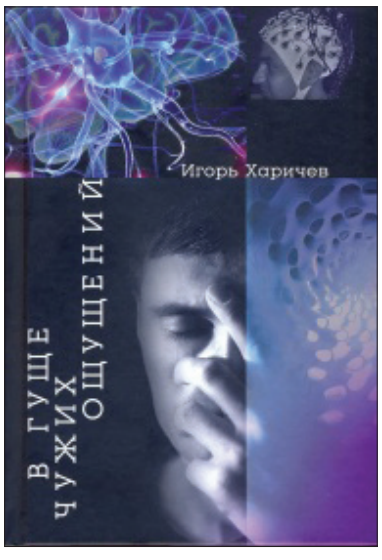
Все становится под пером поэта поэзией: «вопросы мироздания», «галоши новенькие, со скрипом», машинка «Прима», «ночные города», «казанская железная дорога», «корневая система» пращуров и праотцов… «ключ под тряпкой половой», друг, который приезжает «на мотоцикле» в Катуар, «как на тройке в Болдино»… «отчий дом», который всегда «приютит и поможет»… «дорожные рабочие», которых «одели в оранжевый цвет» (в оранжевые спецовки»)… «валюта», с которой не знаешь как быть («нам бы знать, какие баксы помещать в какие банки»)… «умчавшийся в романтику экспресс»…

Через все эти детали поэт воспроизводит не абстрактный, а конкретный мир, мир своего детства, отрочества, свою «коммунальная» юность, студенческие годы, когда он «с друзьями пировал, тянул вино из темного кувшина», «был молод, был беспечен, был любим»… показывает всю – от 40-х годов до наших дней – свою жизнь во времени и пространстве, а с нею и жизнь своей (нашей) страны, в которой он живет. И все это становится содержанием «Толкового словаря» Игоря Волгина.

Не зря Гёте говорил: «Писатели – секретари человечества», летописцы.

Нина КРАСНОВА

Игорь Харичев
«В гуще чужих ощущений»
М.: Союз писателей Москвы, Academia, Редакция журнала «Знание — сила», 2018



Главный герой романа Игоря Харичева «В гуще чужих ощущений» – уникальное изобретение, меняющее жизнь на Земле: оно позволяет записывать и воспроизводить ощущения человека. Любые. Каждый может увидеть, услышать, ощутить то, что видел, слышал, ощущал другой человек. Что это дает? Врач получает возможность почувствовать проявления болезни у пациента во всех мелочах, психолог – всю палитру ощущений, которые вызывают у его пациента другие люди. Конструктор самолета, машины не нуждается более в расспросах летчика-испытателя, водителя-испытателя об удобствах или неудобствах управления новой моделью; а создатели новых блюд – в путанных объяснениях тех, кто попробовал их. Люди, желающие острых ощущений, но не готовые рисковать, могут ощутить, что испытывает альпинист, совершающий подъем на высочайшую вершину, или байкер, несущийся вниз по склону с опасной скоростью, или гонщик на трассе самой крутой формулы. Или пожарный, спасающий человека из дома, охваченного огнем. Появляются новые формы искусства – на смену привычным фильмам приходят сенсофильмы, в которых зритель не только находится буквально в центре действия, но и сам превращается в действующее лицо – тонет вместе с Титаником или перелетает на хлипком самолете через Ла-Манш, глядя на все глазами сенсоактера, играющего роль Блерио.

Одновременно возникает рынок запретных сенсоразвлечений и связанные с этим «темные делишки»… Появляются те, кто видит лишь отрицательные последствия от изобретения. И все-таки ощущизм – такое название получила возможность восприятия чужих ощущений – сыграл положительную роль. В первой главе романа говорится об этом:

«Благодаря ощущизму наш мир стал добрее. В самом деле, если вы можете ощутить все то, что ощущают самые богатые люди Земли, платя при этом совсем другие деньги за какие-то вещи или удовольствия, вы не станете завидовать им, чувствовать себя обойденными или, что еще хуже, неудачниками. Вас никогда не заразит ненависть, если вы получите возможность разобраться в ощущениях человека с другими взглядами. Ощущения жертвы, прочувствованные преступником в качестве наказания, заставят его навсегда отказаться от насилия…»

Но в какой-то момент понимаешь, что роман, посвященный изобретению, прежде всего о людях. О тех, кто использует сенсозаписи в работе, о тех, кто создает их для самых разных целей, о тех, кто относится к ним как к благу, и о тех, кто считает сенсозаписи злом, пытаясь протестовать против их использования. Их жизнь по-прежнему протекает под воздействием тех же страстей, что и сто, и двести, и тысячу лет назад.

Роман написан в форме рассказов-признаний. Представители самых разных профессий из разных стран – психолог, сенсохантер, сенсопапарацци, философ, сенсопутешественник и другие – рассказывают о себе, своей жизни, о том, как ощущизм повлиял на них. Но рассказ о судьбе того или иного героя оказывается намного шире рассказа о судьбе изобретения, хотя они, разумеется, связаны. Возникает необычный эффект: перед нами нефантастический роман в маске фантастического.

Не случайно Мариэтта Чудакова пишет в своем предисловии к роману: «Существует ли жанр фантастики, включающий в себя нечто совсем необычное, резко отличное от нашей земной жизни?

Думаю, что нет.

Ничего более фантастичного, грандиозно-непостижимого, чем реальная жизнь человечества, придумать просто невозможно».

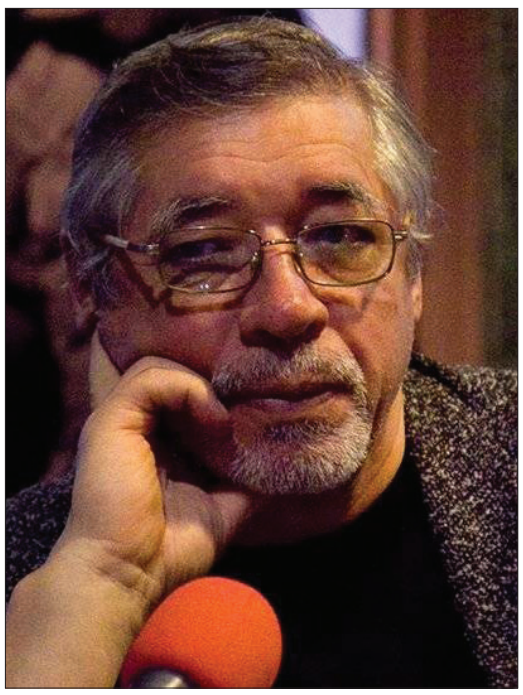
Что сказать в завершение о романе И. Харичева? Весьма интересный замысел, хорошее, добротное исполнение, легкий язык. Единственное замечание – в некоторых главах повествование кажется несколько затянутым.

Надежда АЛЕКСЕЕВА

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ

Лео БУТНАРУ

ОТКРЫТЬ ГЛАЗА



Лео Бутнару *– поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Дебютировал книгой стихов «Крыло на свету» в 1976 г. Издал в Молдове и Румынии около 60 книг разных жанров. Составитель и издатель ряда антологий, в том числе антологии «Русский авангард», отдельными книгами в своих переводах выпустил произведения Велимира Хлебникова, Алексея Кручёных, Яна Сатуновского, Геннадия Айги, Веры Павловой, Евгения Степанова и других. Лауреат литературных премий союзов писателей Молдовы и Румынии, Национальной премии Республики Молдова. Является членом Консилиума Союза писателей Румынии. Член Союза писателей XXI века. Живет в Кишинёве.*

ОТКРЫТЬ ГЛАЗА

Бывают стихи – как правило,
лаконичные, – что рождаются на бумаге поэта подобно
слепым котятам,
а оказавшись в темноте читательского сознания,
некоторые из них спешат открыть глаза,
чтобы что-то увидеть,
чтобы не заблудиться...
Некоторые же
так и остаются слепыми...

ИЛИ, БЫТЬ МОЖЕТ...

Несутся машины, поезда,
метро, подводные лодки
вверх, вниз, под, на...

Самолеты преодолевают звуковой барьер,
космические корабли преодолевают иллюзии,
тем более опережают ангелов... – мир несется,
несется, несется...

...Но отчего,
откуда чувство
что счастье все же не там,
куда все несется?..

...Тем не менее – движение, движение, движение...
Не исключено даже, что
местами
мир движется в направлениях, которые
в действительности
вовсе не существуют,

или, быть может,
если на то пошло,
в этом весь человек – между
счастьем момента
и
несчастием вечности...

ПОТЕРЯ СОЗНАНИЯ

Это могло быть дадаистское стихотворение,
проживающее невозможность
своего существования –
тысячи акцентов,
соскобленных с неведомых
смыслов.

Разумеется,
дадаистское стихотворение совершенно не похоже
на обычные стихи, в которых,
бывает,
не выдержав напряжения между
сказанным
и
несказанным
между понятым
и
непонятым,
некоторые слова попросту теряют сознание.

ИСКУШЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОСОДИЕЙ

Каким бы приверженцем постмодернизма
или даже старым авангардистом ты ни был,
классическая просодия все еще испытывает твои силы:
вот
младая обнаженная верба отражается в воде
словно скелет русалки...

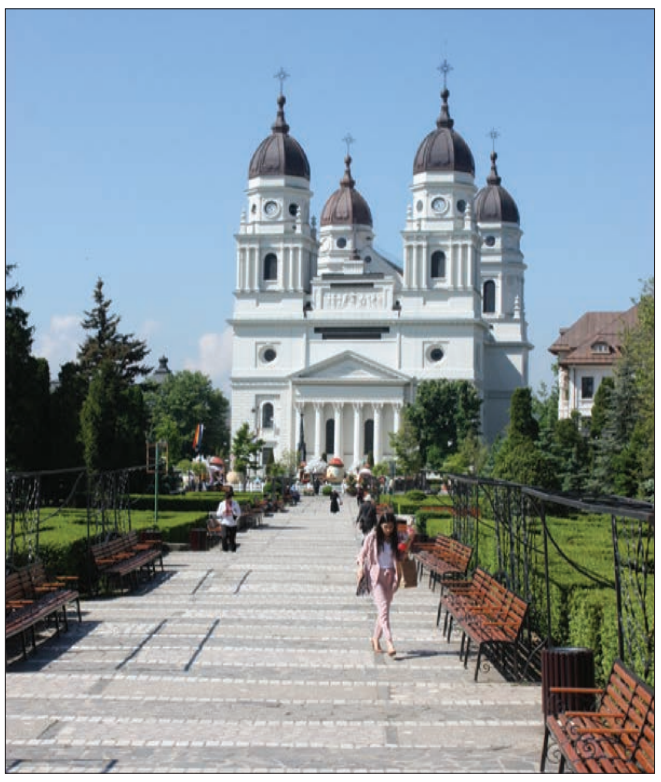
С ТОЙ СТОРОНЫ

Господи
как же далеко
как же давно
первые мои стихи
неуклюжие даже
деформированные асимметрии
смотрят на меня
с той стороны
как дети
носом прижимаясь к окну!

ОСТАЛЬНОЕ КАК ЦЕЛОЕ

The rest is silence.
Shakespeare

Будучи одним из тех, кто жил во
второй половине XX века и
вот
живет в первой половине XXI века,
осмелюсь заметить, что
еще пятьдесят лет назад
Гамлет мог бы быть прав, говоря, что
остальное – всего лишь тишина...
Сегодня, однако,
злополучный принц мироздания (подобного
Дании),
остальное – всего лишь шум, шум, шум...



В ПРОДОЛЖЕНИЕ

Обычно
мои стихи лаконичны. Но однажды
я заметил, что
наутро
одно из стихотворений стало объемнее того, что
было накануне. Строчки, которые его продолжали,
были следующего содержания:
Спасибо, стихотворение,
что ты концентрированно,
что ты немногословно,
оставив и мне немного места во
все более шумном космосе:

Подпись:
Тишина Мироздания.

Перевел с румынского Иван ПИЛКИН

БЕРЕГИТЕ ЗДОРОВЬЕ

Берегите здоровье,
избегайте чрезмерного потребления соли
сахара и жиров,

ежедневно выпивайте не менее 2 литров воды
и прочитывайте как минимум два стихотворения.

(Вообще,
полезно знать, что
чрезмерное потребление поэзии
совершенно не вредит вашему здоровью,
скорее наоборот.)

ПО РУКАМ

У одних руки в синяках,
у других они забинтованы...

Большинство из них – те, кто
хотели взять судьбу в
собственные руки...
Как правило,
это наказуемо...

ВЕТЕР СМЕНИЛ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ...

Когда парусники обзавелись моторами,
ветер сменил свое направление
и даже собственное предназначение,
вместо парусов раздувая газеты;

да,
ветер начал раздувать газеты,
приводя таким образом в движение
то, что Себастьян Брант так проницательно назвал

Корабль дураков...

Фотографии Е. Степанова.

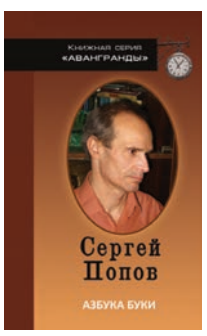
РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

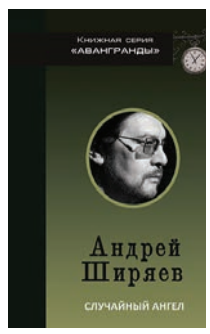
СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

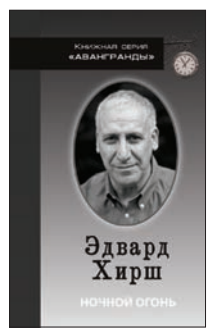
серия «АВАНГРАНДЫ»

Среди авторов издательства — первоклассные поэты:



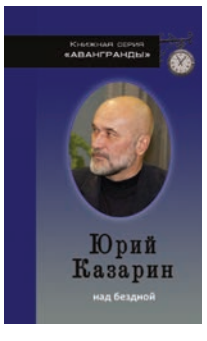
Сергей Бирюков,
Арсен Мирзаев,
Александр Вепрёв,
Андрей Ширяев,
Анатолий Кудрявицкий,
Ян Бруштейн,
Александр Тимофеевский,
Сергей Попов,
Сажа Вепревадзе,
Анна Гальберштадт,
Эдвард Хирш,
Елена Кацюба,
Константин Кедров-Челищев...





НОВИНКИ 2019 года

Юрий Казарин, Юрий Влодов, Евгений Волков,
Лидия Григорьева/Роза Виноградова



Книги выходят по инициативе издателя —
кандидата филологических наук, Президента СП XXI века **Евгения Степанова**.

Адрес электронной почты: **stepanovev@mail.ru**

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Irena Ssance
«Reminescence»
М.: «Вест-Консалтинг», 2019

В переводе с латыни труднопроизносимое слово «reminescence» означает «смутные воспоминания». В художественном смысле этот литературный прием подразумевает воспроизведение ранее прочитанного, уже известного. Наиболее распространенная форма реминисценции – цитата, точная или вольная. В этой книге достаточно отсылок (есть текст, «обыгрывающий» один нашумевший бестселлер), которые выступают своеобразными «приметами времени».

Новая книга стихов Irena Ssance получилась более «французской», фактически двуязычной. По манере письма можно предположить, что написала ее европейка: как форма, так и содержание далеки от традиционной «русскости»: женская мягкость уравновешивается пытливым умом и дотошностью: где наша баба простит и примет, там француженка однозначно расставит «точки над i». В сборник вошли стихотворения, написанные с 2014 по 2018 год, как опубликованные впервые, так и изданные ранее, но переведенные на французский язык Галиной Мешковской. Форма текстов соответствующая – верлибр, но «заморский» стих описывает подмосковный пейзаж:

Утро. Дача. Подмосковье.

Виноградная лоза – удивительное явление природы.
Тоненьким усиком-антенкой она цепляется
за малейший выступ и обвивает его.
Единственное, без чего лоза не примет
свои роскошные формы и не разовьется
полноценно – это опора, что может быть
и длинным колышком, и стеной дома.

Выращивание винограда – не такое уж трудное занятие, как может показаться на первый взгляд, но, как и у всему сущему, этом растению требуется стержень. Осознавая это, Irena Ssance подводит нас к более серьезному вопросу:

У меня нет врагов – есть не-дру-ги, не друзья.
Мои друзья дружат с моими недругами.
Друзья ли они мне?

Три строки – и столько... одиночества? Неуверенности? Или это начало обновления, процесса избавления от «лишних людей» в окружении? Оформление книги подталкивает ко второму, активному и жизнеутверждающему варианту. Красное и белое – динамичный дуэт. Белый олицетворяет единство и источник всего сущего, потому как в белом спрятаны все остальные цвета. Он призван расширять жизненное пространство, это цвет холода и напора. Красный, в свою очередь, ассоциируется с теплом домашнего очага, потому-то и хочется верить, что лирическая героиня разберется, кто ей на самом деле друг, а кто так, «погулять вышел».

Реминисценция только тогда имеет право называться таковой, когда выполнят свою основную миссию – служит напоминанием. Для читателя, не увидевшего в художественном тексте ничего необычного или увидевшего, но не «узнавшего», о чем автор ведет свою речь, это выразительное средство будет бесполезным. Следовательно, читателю необходимо угадать, откуда произрастают мутные воспоминания. Автор много времени проводит во Франции, оттого ее речь перенимает особенности поэзии французского ренессанса: в русской строке ренессансное гуманистическое начало говорит о себе как восторженным созерцанием чистого неба, так и пристальным вниманием к своему состоянию. В центре – человек (точнее, лирическая героиня), его интересы, чувствования. При этом любовь утверждается как высшая ценность, именно она «включает» внутренний свет лирической героини.

Однако романтические отношения между мужчиной и женщиной не бесконфликтны. Любовь приносит как вдохновение, так и бурю противоречивых эмоций, оттого в стихах иногда сквозит откровенное возмущение:

она
вдохновила
пробудила
взбудоражила
а что сделал ты?

Обрывая стихотворение на полуслове, Irena Ssance не дает мужчине оправдаться. Повисший в воздухе упрек подогревает воображение читателя. Это коротенькое стихотворения имело бы все шансы разгореться в нешуточный скандал, но оно заканчивается на самом интересном месте. Может быть, обладай адресат нордическим характером, он бы и сдержался, и продолжил красивую беседу... автор оставляет нас в неведении, а значит, некоторое время по прочтении этих строк читатель будет думать о ней – загадочной Irena Ssance.

И вся книга такая – мозаичная, как воспоминания: тексты плавно перетекают один в другой. Полет авторской фантазии дополняют иллюстрации французского художника Кристофа Калежа – изящная графика, которая прекрасно сочетается с образами, рожденными Irena Ssance. Задумчивая интонация определяет своеобразность звучания стихотворений:

В лазурном небе серебрится стайка птиц
Кружат, вальсируют над соснами,
А вместо музыки –
Лишь воздуха дыханье

Пожалуй, основная отчетливо ощущаемая интонация сборника – медитативная. Стихотворения дают пищу для раздумий (недаром реминисценции вводятся в текст через упоминание Ницше), при этом они современны (в одном из стихотворений цитируется песня Лады Дэнс) и зачастую лаконичны («Не я живу во времени/ А время живет во мне»). Выходной день и кофе с круассанами – наилучшая атмосфера для погружения в многослойность авторского восприятия премудростей бытия.

Ольга ЕФИМОВА

Волга Котт
«Чёрики-Дорики»
М.: «Вест-Консалтинг», 2019

«Чёрики-Дорики» – смешная присказка, этакий магический ритуал, обеспечивающий «вхождение» в сказку. Ключик, отмыкающий волшебную дверцу. В сказках обязательно есть различные магические и волшебные предметы, заколдованные герои, говорящие животные, всевозможные заклинания, обряды, превращения или просто какие-нибудь чудеса, с которыми мы не привыкли сталкиваться в обычной жизни. Помнится, чтобы снять злые чары, маленьким героям фильма «Сказка о потерянном времени» нужно было произнести заклинание, «тигрики – мигрики, шаранды – баранды»... Теперь вот – «чёрики-дорики». Книга Волги Котт содержит детские стихи, рассчитанные на детей разных возрастов, в том числе – стишки-потешки:

Чёрики-дорики,
Рассмешили дворники.
Лужи подметали,
Детям спать мешали.

Особенность потешки – краткость. Простота и мелодичность звучания потешек помогает детям запомнить их. Короткие потешки побуждают детей к действию, произнесенные же нараспев, ласково и тихонько, умиротворяют, помогают успокоиться. Чтобы раззадорить малыша, можно, например, использовать стишок про зайку:

Травку любит
Кушать зайка.
Будет сильным.
Догоняй-ка!

В свою очередь, считалочка должна иметь четкий ритм, позволяющий кричать раздельно все слова:

Будем прыгать и скакать,
И считалочку считать.
Три коровы,
Три козы,
Три притопа,
Раз, два, три.

А как же сказки? Есть тут и «Чудесный лес», и совершенно фантастическая история про овечку Машку, которую, представьте себе, не посмели скушать злые волки. И даже стишок про свеклу, которую так и не выкопала ленивая девочка. Здесь вы увидите явные признаки сказочного жанра – занимательные истории, положенные в основу стихотворений, а также поучительный характер многих и в них.

Конечно, детская книжка должна быть с картинками. Книги, которые мы прочли в детстве, так запомнились нам, потому что врезались в память оригинальные образы Незнайки или Красной Шапочки. Эта книжечка проиллюстрирована замечательным петербургским художником Никитой Карловым. Помогая ребенку осваивать литературный текст, иллюстрации обогащают содержание книги, развивают эстетический вкус читателя. Для ребенка «картинки» – предмет особого, неподдельного любопытства... Интересно, какое заклинание нужно произнести, чтобы вернуться в мир детства?

Надежда ДРОЗД

РЕКЛАМА

«ДИАЛОГ» – ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!

ТЕЛЕКОМПАНИЯ «ДИАЛОГ» СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ, КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04 адрес электронной почты: stepanovev@mail.ru

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

И ОПЯТЬ, И ОПЯТЬ

Светлана Леонтьева *– поэт. Родилась в городе Свердловск. Окончила Высшие Литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Главный редактор альманаха «Третья столица». Живет и работает в городе Нижний Новгород. Автор многих книг и публикаций.*

* * *

Человек, сотворенный на день шестой
среди тверди земной и тварей,
вижу грани твои – отблеск в них золотой
в стоне, страсти, в желаньях, в угаре.
Человек!
Челом бью, ты мне – музыка, свет,
ты мне – стих, проникающий в горло,
ты – исторгнутый, даденный, в вечность продет,
ты звучишь так «по-Горьковски гордо»!
Ты Ньютон, ты Ахилл, ты ослепший Гомер,
ты Титан, что испытывал муку.
Человек – так звучит высочайший пример,
человек – так звучит, как звучал СССР,
человек – гвоздь вобьет Богу в руку…
И опять, и опять
будет гвозди вбивать,
и все вновь повторится по кругу!
Фейербах! Я могилу видала твою
в нищете умер ты, солнцем – в клетку,
но цитату твою, я как песню пою:
«Божество – человек человеку!»
И как это звучит – до черты, до тоски
на Канавинском нашем вокзале,
на маршрутном, вечернем, последнем такси:
«Человек!» – этим все я сказала.
Человеку целую я руки, лицо,
человеку рожаю я сына:
грудью белой кормлю, как молочен сосок,
все во славу, во благо, во имя!
На горячей простынке рубаха моя
потно скомкана (рядом с заводом
отделенье родильное). Мальчик, дитя,
человечек – звучит тоже гордо!
Да, звучит. Да, поет. Колокольный весь звук!
Утонченно, жалейно, красиво.
А вот тот человек – мне ни враг и ни друг,
а вот тот человек – нож мне в спину!
А вот тот воскресит.
А вот этот убьет.
А вот этот пошлет меня к черту.
А я буду молиться неистово, чтоб
та, другая, целуя его нежный рот,
говорила среди тягот, йот и пестрот:
«Человек! Как звучит это гордо!»

* * *

«Человек состоит из воды.
И полоски суши».
Вадим Месяц

Когда идешь в одном ты Крестном ходе,
причастная! По волнам городским
аки по тверди! Вместе, вплоть, в народе –
слиянная я, что спеклась в утробе
вот этой улицы. Не кинь, молю, не кинь!
О, сколько здесь порушенного было.
Мне на колени пасть у мостовых
пред куполом, пред каждою могилой
затоптанной! Святее нет таких.
Обиженных, униженных, распятых
с жестянкой-стеклотарой, нищих здесь
у кованных ворот, придурковатых
не счесть!
Кому-то даром. Им же все недаром.
Кому-то грешно. Им безгрешно в старом,
немодном одеянии ночь-днесь.
Мы все в единой массе. В Крестном ходе:
над куполами птицы в хороводе,
сороки, сойки, голуби, грачи.
Молясь, молчи!
Я – бедная сегодня,
я – публика твоя, мой Волжский ход!
Здесь море-океан, Ока и Волга
сливаются, сцепляются в приплод.
Кто с детками, кто просто так, кто с мужем,
я лишь песчинка, комышек я – суши,
в скирде иголка!
Но здесь с тобой, рабочий люд, но здесь с тобою.
Молотобойцы, рыбари, ткачи, вахрушки,
две стриптизерши да малец и дед с козою,
еще актриса, говорят, она с шизою,
но мы все братья, все мы сестры – кольца суши!
На этом море. Море белом, разливанном.
На Антарктидовом. На Китежградье вместе!
Подставь ладони для своей небесной манны,
целуй нагрудный, под рубахой гретый крестик!
Да, публика я – публика из публик!
Но мне так лучше со иконами, не тесно,
чем восседать так одиноко без возлюбья
в ряду, где кресло!
Но если честно, если честно, если честно
вот скоро всхолмие. Нам, выжившим от века,
пересказать вот в этом чохе, в этом звоне,
пересчитать потери наши в беззаконье,
держа в руках не похороненное древко!

* * *

«Так сходят с ума, – повторял Вронский…»
Из романа Л. Толстого «Анна Каренина»

…роман весь целиком, роман весь в шрамах,
особенно когда в последней сцене,
вот если б ты любил земным всем шаром,
вот если бы. Ни более, ни менее.
Вот если б всей душой, вот если б, если б…
Но, Анна, Анна, разве так бывает?
Давай подружимся, попробуем все взвесить,
тогда под поезд ни к чему, ни под трамваи!
Из двадцать первого я века восклицаю,
из двадцать первого я века, где зима и
такое ж общество! Бомонд. Твит. Фээсбуки.
Сеть социальная. Имущих власть, имевших.
Препоны, губернаторы, ЖЭК, Дуки.
Разочарованные! О, как много женщин
не то, чтоб бескультурных. Но в культуре.
Не то, чтобы бездарных, но почти что!
Из двадцать первого я века – в черно-бурье
и в кашемировое завернулась, шкурье,
чтобы не слушать! Больно, больно слишком!
О, если б, если б этот самый Вронский
да с пересчетом ровно на два века:
вот также бы в любви водоворонку
увлек меня б румяную от снега!
Увел. Уговорил. С пути содвинул.
Убил бы память. В сердце – медь с шипами!.
А сам бы, не дай Бог, как дворянину, –
война ж кругом!
Нельзя остаться, – в спину
ему б кричала, кинувшись: «Я с вами!»
О, милый, милый! Родненький! Любовник!
Терновник! Слива-ягода! Останься!
И – тело под ноги ему б свое смоковье
и груди белые ему бы, уст багрянцы!
О, если б я была Карениною Анной!
Безмерною, ревнивой, бесшабашной,
непризнанною обществом, незваной
на бал, на скачки, где Фру-Фру изящна.
В извечном, пряном, непогибшем смысле,
где мир весь-весь на гибких, скользких плитах.
О, если б лучшей женщиной! Чтоб письма
читать любовные, не эсэсмески. Титул
носить «ее сиятельство», сиять бы
и не померкнуть! Несгоревший ужин,
не выходить из этого романа,
не выходить из этой недосвадьбы,
не выходить, где луч до боли сужен.
Да что там луч? Из фобий, страхов, маний,
из жерл, помолов, из петлей вокзалов,
из всех ролей, театров и антрактов!
Лишь только слышать: как там дребезжало
всей нотой «до» простуженного такта!

Окончание на стр. 8

Фотографии Е. Степанова.

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

И ОПЯТЬ, И ОПЯТЬ

Окончание. Начало на стр. 7

* * *

Когда вновь мы срастемся в прежнюю родину,
когда станем восточней, хитрее, мудрее,
когда выкупим, что было нами запродано
в век, не знаю, какой. Но я знаю — идею.
Пусть погибну со всеми в сраженье, в борьбе я.
Пусть — хожу — в сердце рваная рана, и звезды
сквозь нее, огневой волчий Сириус грозный,
а еще красный Марс терриконом Эллады.
О, бессмертье бессмертных, Икарость крылатых!
Прикрывает нас грудью прострелянный космос,
ждет, когда мы срастемся.
Вот жилы, как тросы,
вот разбитый, костистый, стальной позвоночник,
он скрепляет с Прибалтикой и Украиной.
А вот крылья! Атлант мой, любимый сыночек,
мы с тобою повязанные пуповиной,
ты же видишь вот эту улитку-пупочек,
мы не сгинем!
Все вылечиваются больные, кто — раком,
если первая стадия или вторая,
излечимое тело накроем мы флагом,
окровавленное! Кровь, что горсточка ягод.
Моя родина голос мне в небо срывает
вместе с небом и Сириусом — волчьей стаей.
Но живая!
Все изменится. Сладится. Было: трамваем
отрезались колени, ладони, оплечье.
Но сшивались, скреплялись при помощи спицы,
воскричу: «У нас есть шанс последний родиться,
перегрызть, чтоб чужую утробу, извлечься
в русской сечи!»
От войны до войны мы становимся крепче.
Непогибельней. Мой монитор на экране,
коли я без сознания, плачет стихами.
И, когда Русь срастется! То буду в толпе я,
во ее Крестном ходе, в Несгибшем народе.
В новой сфере.
Сколько выпало родине! Было продажных
сколько дней, сколько лживых, циничных. Что даже
перечислить мне страшно, назвать поименно.
Сколько пуль в нас вросло от безумия — тонны.
В неприкрытое сердце, во спины нам, лоно.
В Бога нашего! В церкви! Святые иконы!
Вот я кланяюсь им — им поруганным, битым,
им затоптанным, им оскверненным, но все же
мы срастемся! Обнимемся! Мы монолитны.
Как граниты. Как скалы.
Мы сможем!

* * *

Можно быть поцелованной так, словно свечи,
переплавленные в шелк и нить золотую:
выцеловывай образ во мне человечий,
всю слепи меня из своего поцелуя!
Эти тонкие руки мои и запястья,
а Самсоновы косы мои на подушке
разметались. Пока поцелуи не гасли,
поцелуй возжигался в Галлевой пасти,
в динозавре планеты моей на опушке.
Поцелуй — как предательство, вспомни Иуду.
Поцелуй — это блик. Выжигает он звезды
на спине у меня. И пожизненно буду
вас прощать, перекрывших в груди моей воздух!
Поздно. Поздно...
Как дыханье «рот в рот»,
коль разбилась о скалы,
зараженной смертельно каким-нибудь спидом,
радиацией, гриппом ли, как к трибуналу
осужденной. Судьба меня так целовала
сразу целым болидом!
Целовал нашу землю когда-то Гагарин,
целовал Достоевский, Чайковский и Репин.
А теперь пепелище вокруг стеклотарье.
Собирай ее! Сборщиком будь. Сок анчаре
выцеловывай! Нет, не губами, а степью!
Все столетья
целовали меня, все, что были и будут.
Брат мой Авель — по-братски. Враждебно Иуда.
И Дантесьюшка тоже! Нацелено дуло
поцелуем всех пуль в мое чрево косулье,
в мои ноги синичьи и руки девичьи.
Поцелуй у Стены моей Плача кирпичный,
а у хлеба пшеничный.
Как меня целовало привольно раздолье,
чтоб я женщиной стала, чтоб мамой и дочкой.
Чтобы помнила иго татаро-монголов,
надевала княгини чтоб Ольги сорочку.
Я с тех пор исцелована мукой кипящей,
этой раной — кто ищет, тот веще обрящет,
обреченно, погибельно в строчках распятой.
Поцелуй, словно выстрел контрольный в упор мне.
Испита поцелуем, напоена, съята,
поцелуй — живодерня... Но снова из корня
поцелуя расту.
И к столбу, что позорный и к земле — срезом дерна,
рожком в горле горна.
Поцелуй, извлекающий музыку, чту.
Ничего не останется, если вдруг взрыв,
если атомный гриб разметается черный.
Ты прости! Белым флагом над гибелью взмыв.
Так целуют прощением спелые зерна.

* * *

Латынь моя! Ты мертвый мой язык,
не думать на тебе я не могу, не плакать.
Ты — ящик, где вмещается родник,
скелет в шкафу, покрытый стойким лаком.
Ты — якорь.
Кто кричал на древнем, на тугом
созвездии: «Спасайся, брат!» — nisi te frater.
Язык бессонниц. Жарким пирогом
на скатерти. Ты — мостик мой дощатый.
Ты — указатель. Детский мой вожатый.
Мой октябрятский, я давала клятву.
Латынь моя — язык стихий, огня,
он, как гончар, что вылепил меня,
и я заговорила языками
различными, на пламенном, как пламя,
на языке страны моей, как знамя.
Я выцеловывала этот мой язык!
Не ртом. Нутром всем, ранами его
сквозными, через них я в мир глядела,
как на кометы — ягоды брусник,
весь космос для меня теперь артикль
и притяжательное для меня крик тела.
Ты знаешь, мы когда-то все умрем,
кто шелестящею латынью, целой жизнью,
кто многоствольным русским архаизмом,
кто утром от болезни, а кто днем.
А я кричу на языке берез огнем.
Сгораю. Это словно два в одном.
Я — угль творящий —
думаю на нем.
Как Ной на древнем сказочном иврите.
Что ж на моем вы все не говорите?
Не просто говорю — воплю я в дно
всех мирозданий. Сгибших. Мертвых Дивных.
Я думаю о вымершей латыни,
как в братину тугое лью вино.

ПАМЯТНИК ГОРЬКОМУ

1.

Когда бы талант мне Шадра, Мухиной Веры талант,
когда мы мне в руки глыбу заместо наскальных слез.
Когда бы слова такие — до воспаленных гланд,
тогда бы смогла заступиться, как Горький,
за тех, кто бос.
Мне память ни бритвой, ни спицей, ни ножиком,
ни топором
не вырубить, не застрелиться, не из груди соскрести.
Могу лишь по этой площади молча пройти пешком,
книгу, что камень расколотый крепко зажав в горсти.
Вот и качнулся маятник:
Горький мой встал, как памятник!

2.

А вы помогли кому-нибудь нашим?
Простым из глубин?
Взять и пробиться — руку, сердце подставить, плечо?
А не тычки и затрещины. Не оговоры, блин.
Горький — писатель, Горький чем помешал вам и в чем?
Сталиным? Яблоком? Лениным?
Или же даром своим?
Плащ его детский, шагреневый
в грудь был прострелен... Засим
ружья, монеты, косточки хрупких скульптурок, сорт
окимоно и нэцкэ, тонкая медная трость,
бурю бы так накликать, как Буревестник в наш порт!
Данте с его комедией, чтобы вошел, как гость.
Наша земля такая — выплеснет всем нутром,
до позвонков разденет, плачь хоть, до босоты.
А у меня навечно «прежних времен синдром».
Я не могу за родину рваную небу простить!
Вот вам — падение нравов, вот пенсионность реформ,
буду я Буревестником в память круги нарезать,
буду вымаливать лучшую долю поэтам, в ком
вижу зерно проросшее. Иным говорить в глаза:
дудку сожги! И панцири расколоти все намертво.
Прах свой развей над берегом Волги, Суры, Оки!
Не языками пламени — я говорю всем пламенем!
Если враги вы Горького.
Значит и мне враги!

* * *

Лоле Льдовой

Всякое лыко в строку — бери, люби.
Лыко — оно, как шелк дерева разных пород.
Мякоть его из ложбин, лип и тугих рябин,
лыком мой пахнет мир: город, метро, завод.
Каждое лыко в строку — горы, поляны, лес,
кнопочный телефон, сенсорный телефон.
Быть бы такой всегда: шелк, добродушие, лесть.
Левую, чтоб щеку мне — класть на любую месть,
ласковую ладонь, чтоб на любую жесть,
чтобы любой охламон, словно бы Купидон.
В каждую мне строку — лыко. И в звездный ряд
вплавленное зерно. Мертвые не прорастут
строки! Когда болят,
строки, как виноград,
веной идут стихи, словно бы самосуд.
То и гляди: рванут!
Лыко, что тот тротил,
мощность и плотность, состав: выдернет потроха!
Кто же тебя любил, девочка, кто любил?
Тельцем скукоженным ты — лыковая уха,
каждое лыко в строку, лыка теперь вороха...
Нынче Москва тиха.
Питер в дождях-слезах.
Как же так? Тельцем — швах
да с гильотин и плах.
Если же выбирать между двух городов,
или собой скреплять: ребра, лодыжки, графу,
ты — мост! Из двух рядов,
ты — мост, скелетик в шкафу.
Девочка! Как же так? Кто же собой пустоту
после тебя займет? Здесь или там. Или тут?
Нету талантов таких. Рвутся иные. Они
не в глубину растут. И не в себя умрут.
Вечность тебе. Им — дни. Неким секунды — красны.
Девочка, а тебе город весь красным струил.
Нет у меня больше сил
с костным бороться. «Дебил,
дура, и блудь, и плуть!» —
выкрикнуть бы! Изрыгнуть!
Но я в себе давлю чувства. И лгу всем, лгу:
каждое лыко в строку.
Лыком свернулась петля. Девочка... птичка моя...
Карлсон не прилетит, чтоб не ушибла земля,
птичий скелетик твой, лыковую строфу.
Ты заслужила лафу.
Знаю, зачем я нужна! Знаю. И буду знать!
Всем, кто талантлив, я — мать!
Всем, пережравшим руна,
перенасыщенных в кладь, мне защищать, страна!
Лыко тебе в строку.
Если пригвождена.

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Елена КОНУСОВА

В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

Елена Конусова *(литературный псевдоним Елена Кабардина) — поэт. Родилась в Москве, где и проживает по сегодняшний день. Работает в Дипломатической академии. Автор многих публикаций. Одна из победителей конкурса «Серебро слова» на портале Рифма.ру 2006 г. Лауреат премии им. П. Вегина, 2008 г. 2 место в конкурсе песенной поэзии (диплом и звание призера от портала «Что хочет автор» и Международного Союза писателей «Новый современник». Диплом от «Золотого пера Руси» за высокое художественное мастерство (2008 г.).*

КОГДА Я БРОШУ

Когда я брошу думать о тебе,
сходить с ума, не есть, не спать ночами
и буду жить, тебя не замечая,
не прибегая даже к ворожбе,

тогда не приведи тебя господь
понять, как понимают в одночасье,
что я — твое единственное счастье,
твоей души отрезанный ломоть...

ПОЛУ-...

У нас с тобою — передозировка
любви, надежд, соитий и скандалов.
Свисает с люстры тонкая веревка,
а люстра светит только вполнакала,
и ты сидишь ко мне вполоборота,
вот так, ни в полуфас, ни в полупрофиль,
и в полумраке пьешь свой черный кофе
по полчаса,
от чая с бергамотом
воротишь нос и рвешь на полуслове
вопрос,
не озаботившись ответом.
И бьет копытом
бледный конь соловый,
жуя солому
летнего рассвета...

НЕКОРАБЛИ
(романс)

А может быть, не стоит повторять
того, что раньше было — благодать
и укрывало ветви белоснежно.
Да разве повторить нам эту нежность?
И все-таки попробуем — опять —
туда, где так медлительна река,
и волны в ней, как за строкой строка,
обтачивая мысль о неизбежном,
уверят в том, что все у нас — как прежде,
и наша нежность так же глубока.

Возможно, прилетим издалека —
и перед нами вспыхнет не река
в разрыв-траве, а озеро в полыни,
монашью ряску не надев пока,
прищурившись, глядит на облака
и ждет своих обещанных поныне,
где синий камень — словно пуп земли,
и хрупких наших снов некорабли
всплывут со дна, белее белых лилий,
береговых не признавая линий.
Когда-то мы с тобою так могли...

МАКОШЬ УШЛА

Страшна была Макошь, прядя судьбу
кому из шерсти, а кому льняную,
к ее подолу чьи-то звезды льнули,
и пряди вились у нее на лбу.
Иным пряла из шелка, только нить
оборвалась на самом нежном месте,
и нам отныне биться с бездной бестий,
пока она — в поля любовь любить.
А бестиарий — мрачен и велик,
цветы и птицы выжжены на версты,
их белый свет распластан и расхлестан,
и перехожен сотнями калик.
Кликуши накликают потный страх,
юродивые мажут плотной сажей
чела, тела, клобуки и плюмажи.
Веретена наивноглазых прях
не вертятся.
Макошь уже в лесах.
Не верится, что снова за пряденье
возьмется, возвратившись в запределье,
где аннам не спастись от колеса,
где ангелы взбесились и грешат,
а мир искристых слов хрустит, расхристан, —
как лодка, не вписавшаяся в пристань,
моя Макошь была бы там смешна.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД
(романс)

В Александровском саду листья кружатся,
в Александровском саду осень светится,
проплывают облака в синих лужицах,
загорается фонарь белым месяцем.

В Александровском саду любо-дорого
тонкой грезой рисовать лики нежные.
Господа сидят в тоске, чешут бороды,
ускользающему вслед смотрят вежливо.

В Александровском саду дамы грустные,
как вуали на челах, тени прошлого.
С немосковским говорком люди русские
на московское глядят огорошено.

Чередую тайный вздох тихим выдохом
в Александровском саду, как нездешняя:
то ли входа нет мне здесь, то ли выхода,
то ли разного всего понамешено.

ИЗ ЦИКЛА «ВАГОННОЕ»

1.
Когда по рельсам, стертым добела,
уходят поезда к волшебным далям,
до боли распухающих миндалин
захочется купейного тепла...

И мнится, что, куда ни глянешь, —
пат,
обвалы слева, наводненья справа,
а небо осыпается отравой
и укрывает с головы до пят,

но ты смеешься,
словно нет беды,
грустишь,
как будто радости не знала,
и кажутся прокуренным вокзалом
твои семирамидовы сады.

А осень,
шестипала и худа,
вздымает клочья заячьего меха, —
и хочется куда-то ехать, ехать,
не важно, как,
неведомо
куда...

2.
Когда по жилам, сжатым добела,
божок (бабай ли) шаркает в сандалях
и кажется, что людям недодали
заботы, пониманья и тепла,

на головном очнется третий глаз
и озарятся дали-без-просвета.
К обочинам столкнув лета и лета,
колеса жахнут вслед железный джаз, —

и люди всю, какую есть, беду
оставив на загаженном перроне,
толпой вплывают в мир потусторонний
и в тамбуры ныряют, как в бреду,

где, косточками честности давясь,
раскусывают цитрус разговора,
потом идут вагонным коридором
себя в окне разглядывать анфас.
...
Над головой качается рука
уснувшей в простынях на верхней полке.
Я, стряхивая шпильки и заколки,
валюсь в купель купейного мирка.

Окончание на стр. 10

ПОЭЗИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Елена КОНУСОВА

В АЛЕКСАНДРОВСКОМ САДУ

Окончание. Начало на стр. 9

3. АННЕ

Давай рискни, шагни через провал,
куда, как в пропасть, кто ни попадал —
смешные тетки, дети, три собаки,
нелепый дедка в кепке набекрень —
вступи в купе,
достань французский крем,
намажь лицо
и пледом цвета хаки
укройся непременно с головой,
и думай, что открылось пред тобой,
какие дали, — воля и простор,
но ангел боли крылья распростер,
а в твой простор ворвался крик вороний
и волю раскачал на волоске,
а кто-то на оставленном перроне
сутулится и молится в тоске...
Тогда очнись, живи едва живой
и думай, что закрылось за тобой.

4. ВАГОННОЕ

Откуда мы едем,
во что мы ворвемся
гудком паровозным?
Купейные леди
в колготках от omsa
белы, как березы,

мужчины им шелково
смотрят на ноги
во снах крепдешинных.
Верстами отщелкав,
дорогам дороги
мечты искрошили.

Путей перекрестки,
бесед передряги,
гудков переклички,
зажатые в горстку
обрывки сермяги
признаний привычных.

Снега полустанков
и станций далеких
за бежевой шторкой.
Меня — наизнанку
дорог подоплеки,
путей оговорки.

Куда мы спешим
и откуда нас гонит,
я точно не знаю,
ан анну души
под идущим вагоном
мне вновь разрезает...

МЕЖСЕЗОНЬЕ
(триптих)

1.
Приму однажды лучший из миров
и проживу в гармонии с собою,
и с этим серым небом над водою,
и с обережной синью куполов.
Ты видишь, Господи? Я принимаю все:
архангела с мечом над колыбелью
и дьявола в деталях коктебельих,
и смерти шар, и жизни колесо,
не спрашивая, что ж ты так остыл
к содеянным тобою homo-тварям.
Твой замысел был чуден и коварен:
синь куполов — и черные кресты.

2.
Ошотландившийся дуб
рассыпает медь и бронзу,
раньше был силен и грозен,
нынче светел и негруб.

Справа колокол звонит,
хмарь осеннюю голубит,
слева бьется медный бубен, —
звезды катятся с орбит...

Звездам легче: бряк — и все,
нам — лететь сто лет и метров —
большей частью против ветра —
вслед за рыжим колесом.

Да не плачь ты, льет и так,
нам с тобою плакать поздно:
межсезонная нервозность, —
межсердечный кавардак.

На, возьми мое весло,
и крыло, и зонтик рыжий.
Нас не так-то просто выжать,
если выжить повезло.

3.
У нее оранжевые косы
и миндалевидные глаза.
Разгулялась хулиганка осень,
что-то мне желает показать.
Что ж еще показывать, родная,
если все и так обнажено?
За тобой хожу, слова роняю, —
может, поутихнет, заживет.

АПРЕЛЬ ПАСХАЛЬНЫЙ

Когда апреля синяя вода
проспавшую траву поит ручьями,
бодрит кота шутливыми речами,
чтоб по цепи ходил хоть иногда,

тогда и небо — чистота и синь,
а в лужах — звезды, а не керосин,
и за детей еще не очень страшно,

а мы идем к скамейке на Твербуль,
как будто нет ни пламени, ни пуль,
и божий мир любовями раскрашен...

Упал с березы прошлогодний лист,
чтоб накормить побеги в огороде.
Восход сегодня несказанно чист,
как будто воскресенье есть в природе...

ШОПЕНОВО

Все — как тогда: и вечер, и Шопен,
этюды, вздохи, стриженый затылок,
и в направлении моих колен —
косые взгляды, мило-торопливы,
а за вином — шутливый разговор —
невинности, граничащие с порно:
— Ты хочешь, может быть, еще кагор?
(Хочу ли я кагор... Вот это спорно...)
Бокалы опустели. На столе
фаллическими символами свечи
горели — и погасли, обомлев.
Я курточку накинула на плечи.
Моих волос уложенную прядь
любитель увертюры и пролога
погладил запоздало у порога,
но так и не решился растрепать...

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»
РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 16 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года), телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 300 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), дважды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

ПРОЗА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

Нина ПОЗНЯКОВА

РАССКАЗЫ

Нина Познякова *— поэт. Родилась в Москве, где и живет по настоящую пору. Автор многих публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2019 года.*

ДЕВОЧКА И МОЦАРТ

Эта минувшая реальность — так давно это было, что, кажется, даже не реальность вовсе, скорее — хрупкий мир видений,— он почти исчез и навсегда исчезнет вместе со мной. Догнать, вернуть, уцепиться за подол простенького платьица робкой, некрасивой семилетней девочки и рассказать ...Кому? Друзьям? Будут ли им интересны мелкие подробности моей жизни? Своим детям? Что ж, они, может быть, поймут, пожалуй, даже оценят, но скорее всего, походя. Скажут: «Ты молодец, мы от тебя такого не ожидали». Впрочем, чему удивляться? У них другой мир, другие ценности, скорости, потоки информации, сливающиеся в водоворот, подчиненные новым реалиям мысли, чувства, души, жизни.

Кто понял бы мир моих видений, дорогих до слез, до звона в висках, понял бы, и принял, и не осудил? Один человек, родной по строю души, по дрожанию струн в унисон, а когда не в унисон, то какие, какие получались созвучия! Гармония, почти счастье. Но его уже нет, он ушел безвременно, по равнодушию родных и небрежению врачей, и покоится на кладбище в одном из подмосковных городов. Оплакиваю тебя, мой друг, жалею, что не сказала, когда было еще не поздно и когда тревога за тебя все сильнее сжимала сердце, — не сказала тебе словами поэта:

«Назначь мне свиданье на этом свете,
Назначь мне свиданье в двадцатом столетье...
Назначь мне свиданье у синих глаз».

Я знаю, ты бы понял и пришел. И глаза синели бы родной синевой. И сказал бы чуть виновато, держа мои руки в своих и не пытаясь перекричать звук электропоезда в метро: «Вот видишь, как получается» или что-то другое. Но я бы поняла, потому что — ну что же делать? Одна душа, но разные судьбы. Но душа-то ведь одна, и одна, единая, непреходящая любовь к музыке!

Пусть долгая память и эти слова посвящения найдут тебя в иных, далеких сферах, где наши души, как знать, однажды, может быть, вновь обретут друг друга. В память о тебе — мое дальнейшее повествование, рассказ — воспоминание о моей молодости и о том, чем была музыка в моей жизни. Смогу ли я справиться с задачей, осилить задуманное — сама не знаю, но первые строки — пусть они прозвучат уже сейчас.

Мое детство пришлось на послевоенные годы, трудные и малорадостные. Но в нем был мир детских песен, которые мы с сестрой пели, как малые пташки. В них соседствовали елочка и мишка косолапый, серенький козлик и гуси со своим га-га-га. Было, конечно, еще и радио, но вечно усталая и замотанная мама включала его на самый тихий звук, только чтобы не пропустить сигнал тревоги: служившие позывными первые звуки мелодии «Широка страна моя родная» и голос диктора: «Говорит Москва. Передаем сообщение ...» Уже год, как окончилась война, но тревога медленно покидала людей.

Лето выдалось необычайно жаркое. Мы собираемся в деревню к бабушке. Мама укладывает продукты, одежду и массу других необходимых вещей в чемоданы, сумки и мешки, ведь едем на все лето. Мама — невысокая, полноватая, у нее веснушчатое округлое лицо, курносый носик, рыжая косичка, закрученная в пучок и заколотая шпильками на затылке. На голове — косынка, завязанная под пучком, поверх платья — неизменный фартук. Так одевалась бабушка в деревне, так одевается и мама, тоже, по сути,— простая женщина, ставшая москвичкой в начале тридцатых годов прошлого века, когда столице остро потребовались молодые рабочие руки. Ее привычек не изменило и то, что теперь она — жена офицера, больше не работает, растит двух дочек.

Мамино лицо лоснится от пота, косынка съехала набок, из-под нее выбиваются пряди влажных волос. «Девочки, пойдите во двор, погуляйте,— говорит она нам с сестрой.— Жарко, можно выйти босиком». Мы с готовностью бежим к двери. Ступеньки лестницы холодят босые ноги, но асфальт во дворе обжигает, и я, оставив сестру в песочнице, бегу на дорожку небольшого сада, где клумбы с цветами и скамейки под липами.

На первом этаже другого, не нашего подъезда открыто окно, из него доносится музыка. Вероятно, по радио передают арии из опер. И вдруг... как это объяснить? При звуках музыки я останавливаюсь, замираю и стою, как зачарованная. Все мое существо охватывает восторг, какого я никогда не испытывала раньше. «Руку мне дай, красотка, в замок войдем с тобой ...» — поет нежный мужской голос. А вот к нему присоединяется и женский. Это дуэт из оперы Моцарта «Дон Жуан», но я, конечно, еще не знаю этого, как не знаю и имени композитора. Дивная мелодия длится и длится, заставляя меня замирать от какого-то не веданного прежде счастья. Но вот последний аккорд, все кончилось. Объявляют очередного исполнителя, звучит бас. Не то, не то! Я закрываю уши ладошками, бегу домой, в нетерпении стучу в дверь и с порога бросаюсь к маме.

«Мама, ты слышала сейчас... по радио... такую музыку... прекрасную?» — «Какую?» — не понимает мама. — «Руку мне дай, красотка, в замок войдем с тобой...» — начинаю я петь. Как жаль, что другие слова не удалось запомнить! Но главную мелодию я помню, я старательно вывожу ее своим тонким голоском и в упоении повторяю ее вновь и вновь. «Ну скажи, тебе нравится?» — тормошу я маму. — «Где ты это взяла, что это за красотка такая?» — вдруг почему-то возмущается мама.— «Это взрослая песня, а тебе пока надо петь детские песенки. Выкинь эту красотку из головы. Иди, иди, погуляй еще, да присмотри за сестрой, я с ума схожу от этих сборов».

«Она не поняла,— в отчаянье думаю я, медленно спускаясь по лестнице. — А ведь это была удивительная музыка, такая простая, легкая и нежная, прекраснее я никогда ничего не слышала! Почему же мама рассердилась?» Я возвращаюсь в сад, сажусь на краешек скамьи и все твержу и твержу волшебную мелодию. Почему же она «взрослая»? — размышляю я. Наверное, потому что они пели... о любви? Это понятие уже знакомо мне, но слово ...Ни за что на свете в свои семь лет я не смогла бы произнести его вслух.

Так музыка Моцарта впервые вошла в мою душу и мое сознание. Позже я открою для себя неисчислимое богатство его мелодий, но первое впечатление — оно останется со мной навсегда.

САША

После выхода на пенсию я взяла за правило не пользоваться без нужды общественным транспортом в часы «пик», не создавать неудобства себе и не мешать тем, кто в утренние часы везет детей в школы, детские сады, спешит на работу, на учебу, да мало ли еще по каким неотложным делам. Но в тот хмурый, холодный ноябрьский день мне пришлось отступить от своего правила: необходимая мне медицинская консультация была назначена ровно на девять часов утра.

На автобусной остановке толпилось десятка два пассажиров. Ветер гнал им под ноги жесткую поземку, из низких серых туч порой сыпалось что-то вроде снежной крупы.

Наконец подошел автобус. Он был почти полон, однако все ожидавшие, включая меня, все-таки смогли поместиться в нем. «Сесть, видно, не удастся»,— подумала я,— «Придется стоять в этой тесноте до самой конечной остановки». Но мне повезло: увидев меня, девушка, сидевшая на переднем сидении, встала и уступила мне место. Так я оказалась рядом с молодым мужчиной, державшим на руках мальчика, как мне показалось, лет четырех.

Мужчина был крепкого телосложения, кожаная куртка туго облегала его спину и плечи. У него был короткий прямой нос и широко расставленные глаза, темные волосы торчали жестким ежиком над невысоким лбом. Беглого взгляда было достаточно, чтобы возникла ассоциация: Элвис Пресли (был такой рок-певец и киноактер, кумир молодежи шестидесятых-семидесятых годов прошлого века). Помню, что и в то время, да и позже девушки неизменно попадали в ловушку таких вот глаз, такой яркой, несколько грубоватой мужской красоты.

Лицо мужчины покрывала темная двухдневная щетина. Я почувствовала запах недорогого парфюма и запах спиртного, выпитого, вероятно, накануне. Время от времени он закрывал глаза, сидел с безучастным видом, в полудреме, как человек, не выспавшийся ночью.

Мальчик не сидел на руках у отца, как это бывает обычно (скорее всего это был его отец, хотя внешнего сходства я не увидела). Малыш стоял на коленях лицом к отцу, держался за его плечи и очень нежно, не отрываясь, смотрел на него. Он то прижимался к отцу, то принимался целовать его, то гладил маленькой ручкой по небритому лицу, приговаривая: «Папа, папочка, мой папа»! «Саша, сядь как следует»! — вдруг раздраженно сказал мужчина и попытался повернуть мальчика. Тот забился у него в руках и закричал: «Нет, не надо, пожалуйста»!

Тем временем автобус двигался по шоссе, приближаясь к станции метро.

«Саша, мне надо выходить»,— сказал отец мальчику. Он встал и, держа сына на руках, обратился к девушке, которая уступила мне место: «Возьми его, я выхожу».— «Да это же его мама»! — поняла я,— «И как же сын похож на нее: такие же светлые волосы, большие серые глаза и эти брови домиком!»— «Нет, папочка, не надо, не уходи»! — вновь закричал малыш. Отец наскоро поцеловал сына в щеку и передал его матери. Та подхватила ребенка, села рядом со мной на место мужчины и все пыталась успокоить мальчика: «Ты же больший, Саша, понимаешь, что папе нужно на работу».

Сашин отец пробирался к выходу. Малыш стоял на сидении рядом с матерью и смотрел вслед удаляющемуся отцу. У него был несчастный вид, в глазах стояли слезы. Тут автобус затормозил на светофоре, на одну минуту стих шум мотора, и в наступившей тишине раздался громкий голос мальчика: «Папочка, я люблю тебя»! Отец оглянулся и помахал сыну рукой.

Автобус остановился у станции метро. «Папочка, когда увидимся»? — вновь громко закричал мальчик, но его слова потонули в общем шуме. Обернувшись в сторону двери, я увидела, что отец Саши, по-видимому, не расслышав его последних слов или же не предав им значения, вместе с толпой пассажиров вышел из автобуса.

«Он не сказал, он не сказал»! — зарыдал Саша. Мама стала утешать его, шептала ему что-то, но он плакал и плакал, уткнувшись в рукав ее куртки, и никак не мог успокоиться.

И тут я поняла: настал момент, когда мне необходимо было выйти на сцену и сыграть в этой драме свою скромную, пусть не вполне честную, но уж точно — умиротворяющую роль. Я наклонилась к Саше и тронула его за плечо. «А я слышала, что сказал твой папа». Мальчик поднял ко мне свое заплаканное лицо. «Он сказал — скоро».— «Но ведь было шумно, не слышно»! — возразил Саша.— «А я умею понимать слова по губам».— «Как это?» — удивился мальчик.— «Я учительница, работала в школе, где учатся дети, которые плохо слышат. Они говорят без звука, одними губами. Я постепенно научилась понимать их речь».

Саша легко поверил моему объяснению, он успокоился и даже заулыбался. На бегущей строке он бойко прочитал название следующей остановки. «Ты уже умеешь читать»? — удивилась я. Он рассмеялся. «Вы думаете, что я малыш? Нет, мне уже пять лет, а сразу после Нового года будет шесть. Я читаю, прочитал уже много книжек, детских, конечно, сейчас учу таблицу умножения. И в шахматы играю. В детском саду я обыграл заведующую, и тогда она пригласила знакомого мастера-кандидата...» — «Кандидата в мастера»,— поправила его мама. «Да, он был взрослый, с усами. У него сделалось такое красное лицо, когда мы сыграли с ним вничью. Так удивился»! — «Со временем ты можешь стать чемпионом России или даже чемпионом мира»,— предположила я.— «Зачем? Шахматы — это просто игра, интересная, конечно, но от нее мало пользы для людей. Нет, я уже решил, кем стану. Сказать? Я буду врачом, скорее всего — детским».

Саша обернулся к матери и спросил: «Можно я расскажу про нас? Бабушка добрая». Мама кивнула и улыбнулась.

«Знаете, почему я отстал в росте? Когда мне был один год, мама заболела. Она лежала, не вставала, и я тоже лежал, болел, все время плакал, плохо ел. И мы так долго, долго болели и никак не могли поправиться. Но потом нашелся врач, Александр Александрович, он все понял про нашу болезнь и вылечил нас. Он замечательный, он наш друг, а для меня он — пример. Плохо только, что время идет так медленно: надо окончить детский сад, потом школу, потом медицинский институт, и только после этого я стану врачом. Саша вздохнул, как взрослый.

Милый мальчик! Я не стану убеждать тебя в обратном, в том, что время летит быстрее, чем нам хотелось бы. Как живо я помню детство, школьные годы, юность, свою взрослую жизнь, все это было, кажется, совсем недавно, и вот ты уже с легкостью называешь меня бабушкой...

Мы вышли на конечной остановке и попрощались. Саша уверенно зашагал рядом с мамой, на ходу он обернулся и помахал мне рукой. С тех пор я больше ни разу не встретила этих людей, с которыми случай свел меня хмурым ноябрьским утром, но я часто думала о них. Возникали догадки относительно обстоятельств жизни этой семьи (да и семьи ли?), однако я понимала, что реальность могла быть и проще, и гораздо сложнее моих домыслов. Одно я знала точно: чуткая душа, доброе сердце и большая — не по годам — целеустремленность этого ребенка непременно станут залогом его достойного будущего. Здоровья и счастья тебе, малыш!

РЕКЛАМА

Список авторов книг, изданных в издательстве «Вест-Консалтинг»

1. Виктор Агамов-Тупицын
2. Ольга Адрианова
3. Геннадий Айги
4. Галина Куборская-Айги
5. Владимир Алейников
6. Кирилл Алейников
7. Сергей Алимарин
8. Зульфия Алькаева
9. Анна Альчук
10. Елена Антонова
11. Григорий Арлинский
12. Светлана Артёмова
13. Сергей Арутюнов
14. Игорь Архангельский
15. Ирина Асоянц
16. Эльдар Ахадов
17. Алексей Бакашин
18. Лада Баламут
19. Рита Бальмина
20. Роман Барабаш
21. Андрей Баранов
22. Ольга Баранюк
23. Аркадий Бартов
24. Александр Барынин
25. Юрий Беликов
26. Виктор Белоусов
27. Готфрид Бенн
28. Любовь Берзина
29. Зоя Билютина
30. Сергей Бирюков
31. Стас Бобырь
32. Галина Богапеко
33. Юрий Богданов
34. Марина Борина-Малхасян
35. Михаил Бойко
36. Константин Брансвик
37. Ян Бруштейн
38. Екатерина Блынская
39. Николай Булавкин
40. Алина Бурмистрова
41. Лео Бутнару
42. Лана Бьюри
43. Вир Вариус
44. Александр Вепрёв
45. Сажа Вепревадзе
46. Верочка Вербина
47. Анна Ветлугина
48. Роза Виноградова
49. Татьяна Виноградова
50. Виталий Владимиров
51. Юрий Влодов
52. Евгений Волков
53. Александр Волин
54. Александр Воловик
55. Игорь Воловик
56. Дэвид Вонсбро
57. Вячеслав Воронков
58. Олег Воронцов
59. Юрий Воротнин
60. Инна Враймуд
61. Михаил Вяткин
62. Наталья Габриэлян
63. Анна Гальберштадт
64. Лика Галкина
65. Галина Гедрович
66. Георгий Геннис
67. Александр Гладков
68. Максим Гликин
69. Владимир Глянц
70. Александр Говорков
71. Евгений Голованов
72. Ирина Голубева
73. Валентина Гончарова
74. Сергей Горбушин
75. Лев Готгельф
76. Елена Голованова-Старенко
77. Анатолий Гоморев
78. Евгений Гоморев
79. Григорий Горнов
80. Ирина Горюнова
81. Ги Гоффет
82. Татьяна Грауз
83. Юрий Григорьев
84. Лидия Григорьева
85. Артур Григорян
86. Борис Гринберг
87. Владимир М. Гринин
88. Алиса Гринько
89. Виктор Грушко
90. Андрей Гусев
91. Таисия Гуськова
92. Олег Гуров
93. Алла Горчева
94. Феликс Гурт
95. Алексей Даен
96. Никита Данилов
97. Владимир Дашкевич
98. Эрнест Даусон
99. Владимир Делба
100. Алина Дием
101. Ростислав Дижур
102. Светлана Дион
103. Виталий Дмитриев
104. Владислав Доброславский
105. Элен Дорион
106. Артур Другой
107. Мария Душаева
108. Виктор Дьяков
109. Эдмон Жабес
110. Макс Жакоб
111. Тамара Жирмунская
112. Максим Жуков
113. Жанна Журавлева
114. Анатолий Зайцев
115. Настя Запоева
116. Максим Замшев
117. Борис Захаров
118. Сергей Зубарев
119. Илья Егармин
120. Александр Емельяненко
121. Елена Ерофеева-Литвинская
122. Анастасия Ермакова
123. Владимир Ермолаев
124. Владимир Ерошин
125. Сергей Есин
126. Наталья Ефимова
127. Олег Ёлшин
128. Юлий Зыслин
129. Константин Иванов
130. Сергей Ивкин
131. Дарья Ильгова
132. Инесса Ильина
133. Борис Илюхин
134. Инна Иохвидович
135. Константин Иванов
136. Елена Иванова-Верховская
137. Магомед Кадирбеков
138. Юрий Казарин
139. Владимир Казимиров
140. Татьяна Кайсарова
141. Татьяна Калинина
142. Николай Калиниченко
143. София Камалова
144. Семён Каминский
145. Суламифь Канарская
146. Алексей Караковский
147. Александр Карпенко
148. Геннадий Кацов
149. Елена Кацюба
150. Юлий Квартин
151. Константин Кедров-Челищев
152. Роберт Кесслер
153. Ингрид Кирштайн
154. Тамара Клейман
155. Светлана Климова
156. Виктор Клыков
157. Юрий Кобрин
158. Кирилл Ковальджи
159. Алексей Козин
160. Алла Козырева
161. Ирина Колесникова
162. Александр Колобаев
163. Юрий Колодний
164. Людмила Колодяжная
165. Надежда Кондакова
166. Александр Коновалов
167. Александр Кожемякин
168. Людмила Коль
169. Юрий Коньков
170. Владимир Коркунов
171. Леонид Корниенко
172. Ксения Корнилова
173. Артём Корсаков
174. Волга Котт
175. Владимир Кочетков
176. Анна Кравцова
177. Любовь Красавина
178. Алла Красникова
179. Нина Краснова
180. Светлана Краснова
181. Анна Креспи
182. Ингер Кристенсен
183. Сергей Кромин
184. Ирина Кронгауз
185. Елена Крыжановская
186. Кристина Крюкова
187. Александра Крючкова
188. Анатолий Кудрявицкий
189. Надежда Кузнецова-Шихиди
190. Борис Кутенков
191. Дмитрий Лакербай
192. Борис Ларюшкин-Железный
193. Дина Лебедева
194. Борис Левит-Броун
195. Марина Левина
196. Анатолий Левитин
197. Алексей Левшин
198. Александр Лейбо
199. Илья Леленков
200. Слава Лён
201. Александр Либеров
202. Наталия Лихтенфельд
203. Аня Логвинова
204. Ольга Любимова
205. Александр Лысенко
206. Виктория Лысенко
207. Дмитрий Лукин
208. Анна Лучина
209. Владимир Мазья
210. Юрий Г. Малков
211. Наталья Мамлина
212. Питер Н. Мартин
213. Борис Марченко
214. Владимир Масалов
215. Арсен Мелитонян
216. Вилли Мельников
217. Надежда Мещерякова
218. Юрий Милорава
219. Елена Минькина
220. Арсен Мирзаев
221. Александра Миронова
222. Мария Миронова
223. Ольга Михайлова
224. Святослав Михня
225. Сергей Мнацаканян
226. Вячеслав Моисеев
227. Ольга Моисеева
228. Виталий Молчанов
229. Екатерина Монастырская
230. Макс Моро
231. Евгений Морозов
232. Важди Муавад
233. Дмитрий Мурзин
234. Антон Нечаев
235. Константин Никитенко
236. Владимир Николаев
237. Михаил Николаев
238. Наталья Никулина
239. Николай Никулин
240. Владимир Новиков
241. Елизавета Новикова
242. Александр Новопашин
243. Сергей Нырков
244. Дмитрий Овчаренко
245. Григорий Оклендский
246. Александр Олейников
247. Софья Оранская
248. Александр Орлов
249. Дмитрий Остапович
250. Елена Павлова
251. Игорь Панин
252. Мария Панфилова
253. Алексей Пахомов
254. Татьяна Пацаева
255. Станислав Пенев
256. Ирина Пермячка
257. Юрий Перфильев
258. Александра Петроградская
259. Виктор Петров
260. Георгий Петров
261. Тамара Пономаренко
262. Юлия Пономаренко
263. Сергей Попов
264. Александр Поповский
265. Эдуард Просецкий
266. Владимир Пучков
267. Викентий Пухов
268. Снежана Ра
269. Иосиф Рабинович
270. Ксения Радионова
271. Наталья Радостева
272. Егор Радов
273. Андрей Райкин
274. Леонид Резник
275. Марианна Рейбо
276. Илья Рейдерман
277. Ирина Репина
278. Евгений Реутов
279. Наталья Рожкова
280. Иван Розанов
281. Татьяна Романова-Настина
282. Данте Габриэль Россетти
283. Пётр Ртищев
284. Борис Рубенчик
285. Катя Рубина
286. Борис Рублов
287. Павел Рыков
288. Гоар Ртуни
289. Софья Рэм
290. Олег Рябов
291. Инна Ряховская
292. Дина Садыкова
293. Алексей Самойлов
294. Людмила Саницкая
295. Ирена Санс
296. Марк Саньоль
297. Елена Сафронова
298. Глеб Сахаров
299. Евгений Селезнёв
300. Людмила Серова
301. Юлия Сигорская
302. Игорь Силантьев
303. Ирина Силецкая
304. Ольга Симоненко-Большагина
305. Леонид Скляднев
306. Андрей Сокульский
307. Олег Солдатов
308. Натан Солодухо
309. Валентин Соломатов
310. Владимир Солоненко
311. Виктор Соснора
312. Владимир Спектор
313. Анастасия Степанова
314. Евгений Степанов
315. Наталья Стикина
316. Людмила Строганова
317. Сергей Стукало
318. Сергей Сутулов-Катеринич
319. Александр Сыров
320. Николай Табаков
321. Галина Таланова
322. Сергей Тарасов
323. Ольга Татаринова
324. Жан Тардье
325. Светлана Тимакова
326. Александр Тимофеевский
327. Владимир Титов
328. Елена Ткачевская
329. Александр Ткаченко
330. Алексей Ткаченко-Гастев
331. Дубравка Ораич Толич
332. Дмитрий Тонконогов
333. Виктория Топоногова
334. Наталия Тореева
335. Александр Трунин
336. Леся Тышковская
337. Вальтер Тюмлер
338. Валерий Тюпа
339. Дмитрий Тюпа
340. Марк Уральский
341. Борис Устименко
342. Людмила Уфимцева
343. Надежда Ушакова
344. Александр Файн
345. Наталья Фатеева
346. Сергей Фед
347. Елена Фёдорова
348. Лариса Федотова
349. Александр Федулов
350. Наталия Филатова
351. Олег Филипенко
352. Дмитрий Филиппенко
353. Фёдор Филиппов
354. Мария Фитас
355. Жан Фоллен
356. Сергей Фотиев
357. Юлиан Фрумкин-Рыбаков
358. Игорь Фунт
359. Анна Харитонова
360. Евгений В. Харитоновъ
361. Игорь Харичев
362. Эдвард Хирш
363. Рустэм Хисматуллин
364. Николай Хлестов
365. Бруно Ходнагель
366. Михаил Хорев
367. Юрий Хрычёв
368. Михаил Чевега
369. Валерий Черкашин
370. Анастасия Чернова
371. Александр Четвёркин
372. Мариэтта Чудакова
373. Дмитрий Цесельчук
374. Геннадий Шамрай
375. Олег Шатыбелко
376. Андрей Шацков
377. Лариса Шестакова
378. Татьяна Шемякина
379. Татьяна Шемякина-Бородянская
380. Маргарита Шилова
381. Леонид Шимко
382. Михаил Шинко
383. Давид Шраер-Петров
384. Татьяна Щёкина
385. Любовь Щербинина
386. Элана
387. Ия Эско
388. Владимир (Юрич) Поляков
389. Инна Юрманова
390. Алексей Юрьев
391. Александр Юсупов
392. Евгений Юшин
393. Екатерина Яковлева
394. Борис Якубович

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и Литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:
www.litiz.ru, http://reading-hall.ru/litiz,
http://lit-iz.livejournal.com, http://www.facebook.com/litizvestia

E-mail:
stepanovev@mail.ru

Редакционный совет
Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Константин Кедров, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь
Иосиф Быковский

Редактор отдела критики
Ольга Ефимова

Обозреватели
Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)
Наталия Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Верстка
Ирина Ракитина

Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».
394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ № 4853 Общий тираж 5000 экз.